

А.Д. Трахтенберг*

ИНТЕРНЕТ И ВОЗРОЖДЕНИЕ «ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ»: ХАБЕРМАСИАНСКИЙ ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ РУНЕТА

В классической хабермасианской интерпретации публичная сфера «public sphere» представляет собой пространство рациональной дискуссии, основанной на принципах открытости и равенства сторон и на совместно разработанных и общепринятых критериях и стандартах. Именно в публичной сфере в процессе свободной от внешнего контроля дискуссии и обмена информацией вырабатывается то, что можно назвать общественным мнением. Оно представляет собой не среднее арифметическое мнений всех участников, а результат дискуссии, которая очищает его от искажений, вносимых частными интересами и ограниченностью отдельных точек зрения. Исход дискуссии определяется исключительно силой аргументации, а не статусом участников. Такое общественное мнение (и, соответственно, публичная сфера) выступает в качестве главного ограничителя государственной власти и источника демократической легитимности.

Как известно, моделируя публичную сферу, Хабермас исходил из неомарксистской интерпретации социальной философии Гегеля. Если для Гегеля исходным пунктом при анализе общества было государство, а для Маркса – рыночная экономика (которую ранний Маркс отождествлял с гражданским обществом), то Хабермас искал зону, автономную и от государства, и от рынка. Этой зоной для него и явилась публичная сфера, само существование которой стало прямым следствием конституирования государства и становления рыночной экономики, что привело к появлению «гражданина», с одной стороны, и «частного индивида», с другой. В целом Хабермас мыслил в рамках «континентальной» традиции понимания того, что такое публичная сфера. Его гносеологический и социологический оптимизм и вера в возможность «исправления» государства посредством публичной дискуссии находится вполне в рамках данной традиции, и резко противостоит пессимизму англо-американской традиции, идущей от Гоббса и Локка и основанной на идее о «неисправимости» государства.

Публичная сфера в глазах Хабермаса с самого начала была жестко связана с «просвещенной публикой», порожденной ранними рыночными (=буржуазными) отношениями. Он подчеркивал, что хотя в принципе публичная сфера считалась общедоступной, на деле для участия в рациональной дискуссии требовалась культурная компетентность, которую обеспечивал только высокий образовательный и имущественный ценз. Когда в результате «вторжения масс» в середине XIX в. «просвещенная публика» уступила роль

* *Трахтенберг Анна Давидовна* – старший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук.

выразителя общественного мнения политическим партиям и другим «большим организациям», это привело к вытеснению рационального критического дискурса разного рода манипулятивными технологиями, которые использовались для того, чтобы добиться формального согласия масс с решениями, принятыми на уровне государства и больших корпораций. Хабермас напрямую связывал успех проекта модерна с возрождением способности к рациональному дискурсу и публичной сферы, и считал, что государство должно создавать институциональные структуры, способствующие критическим дискуссиям.

Его последователи приложили немало усилий для того, чтобы показать, насколько ограниченным и узким был круг «просвещенной публики», формулировавшей и отстаивавшей свои интересы как «интересы всех» в ходе публичной дискуссии. Указания на то, что «просвещенная публика» почти исключительно состояла из образованных и состоятельных белых мужчин успели стать настолько всеобщими, что породили противоположную тенденцию: обнаруживать публичную сферу в самых неожиданных и далеких от рационального дискурса местах. Например, Дж. Гуди открыл развитое гражданское общество с соответствующей публичной сферой в доколониальной Африке (!), хотя и признал, что в африканских условиях общественный протест был затруднен и чаще выражался в форме «исхода», чем в форме «декларации», как это было в Европе¹. Это, разумеется, крайний случай. В целом исследователи, работающие в хабермасианской традиции, продолжают видеть в публичной сфере единственное лекарство от «демократического дефицита», характерного для современных государственных институтов, и истекающей из этого дефицита апатии граждан, подрывающей основы представительной демократии.

Появление Интернета породило надежды, что благодаря технологическому прорыву публичная сфера, постепенно вытесняемая из социальной реальности, будет восстановлена в реальности виртуальной, и Интернет вернет индивидам и сообществам ту власть, которой они лишились благодаря наступлению «больших корпораций» и выражающего их интересы государства. Тезис о том, что Интернет в силу своей «ризомной», то есть нелинейной, неиерархической структуры со скользящим переходом от одной темы к другой, и принципиальной гетерогенностью автоматически становится носителем альтернативных дискурсивных практик, и в силу этого позволяет пользователем успешно вести «позиционную войну» (в граммшианском смысле этого термина) с линейными, иерархически доминантными дискурсами, также успел превратиться в общее место. Сетевое сообщество превратилось в очередное воплощение

¹ *Goody J. Civil Society in an Extra-European Perspective // Kaviraj S., Khilani S., eds. Civil Society. Cambridge: UK, 2001. P. 164.*

европейской мечты о «великом сообществе», которое способно вытеснить «великое общество» и заменить холодные и бездушные отношения господства и подчинения общением равных в виртуальном пространстве.

Впрочем, следует особо подчеркнуть, что такого рода ожидания сопровождали внедрение всех новых средств коммуникации с середины XIX в., когда появился электрический телеграф, который Дж. Цитром не без оснований назвал «исторической синекдохой» для всех последующих электронных медиа¹. Уже в 1838 г., пытаясь убедить конгресс выделить средства на свою работу, С. Морзе сформулировал классическую метафору «электронного соседского сообщества», которую вслед за ним повторило множество пророков коммуникативной революции, включая МакЛюэна, Тоффлера и Кастельса. Они утверждали, что настанет пора, когда вся поверхность страны будет покрыта *нервами*, которые будут со скоростью мысли распространять известия о том, что случилось по всей стране; все жители на деле будут превращены в *socedей*².

Данная риторика оказалась необычайно устойчивой, чем еще раз подчеркивается ее базовый для современной культуры характер. Она с неизбежностью сопровождала всякое новое изобретение в сфере электронных средств коммуникации. Естественно, по мере того, как эти средства усваивались повседневностью и «приручались», обнаруживалось, что надежды с их помощью превратить основанное на неравенстве общество в «сообщество равных» очередной раз не оправдались, и миф был вынужден искать себе новый объект³.

Интернет изначально ориентировался на модель «великого сообщества». В настоящее время принято считать, что сама идея Сети была сформулирована Дж. Ликслайдером, сотрудником Агентства перспективных исследовательских проектов (ARPA) Министерства обороны США, который впервые сумел увидеть в вычислительных (=предназначенных для счета) машинах средства коммуникации: указав на феномен сообщества, порожденный совместным пользованием ресурсами системы, Лик натолкнул на мысли о том, как свя-

¹ *Czitrom D.J. Media & the American mind: from Morse to McLuhan. Chapel Hill, 1982. P. 189.* О мифопорождающей среде, в которой изначально функционировали СМИ, см. подробнее: *Трахтенберг А.Д. СМИ как мифопорождающая система: «миф о величии электричества» в американской культурной традиции // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 4. Екатеринбург: УрО РАН, 2003.*

² Цит. по: *Czitrom D.J. Op. cit. P. 12*

³ При этом он каждый раз определенным образом видоизменялся. Дж. Скоунс, проанализировав развитие этого мифа с момента изобретения телеграфа, показал, что каждое новое средство коммуникации порождало свою версию этого мифа. Телеграф, радио и телевидение имели собственных электронных признаков и несли свои угрозы, однако общая «мета-политика речи» об этих средствах коммуникации оказывается весьма схожей.

зять такие сообщества¹, из чего и возник АРПАнет – непосредственный предшественник Интернета. Характерно, что Дж. Ликслайдер назвал группу компьютерных специалистов, работавших под его руководством «интергалактической сетью». И АРПАнет, и ранний Интернет почти полностью соответствовали хабермасианскому идеалу, так как объединяли очень узкий сегмент академической общности, ориентированной на соответствующие нормы общения.

Однако процесс «приручения» Интернета шел настолько быстрыми темпами, что современные исследователи имеют все основания жаловаться на то, что в Сети доминируют процессы «закрытия», и она все больше приобретает черты, характерные для средств массовой информации. В ней преобладают коммерческие структуры, озабоченные исключительно производством и поставкой пользующейся спросом информации. Пользователи, со своей стороны, концентрируются на небольшом количестве наиболее популярных порталов и сайтов и игнорируют возможности для гражданского участия, предоставляемые Сетью. Уже высказываются опасения, что если эти тенденции возобладают, модель Интернета как публичной сферы, основанной на прямом участии граждан в рациональной дискуссии на основе открытого доступа и уважения принципов культурного многообразия станет заповедником для кучки твердолобых теоретиков, с одной стороны, и для самых бедных и недопредставленных сообществ – с другой², и превратится в маргинальную, не представляющую ни коммерческого интереса для рынка, ни стратегической угрозы для государства.

Европейские теоретики гражданского общества и публичной сферы пытаются найти способы формирования новых организационных структур, способных предотвратить коммерциализацию и идеологическое «закрытие» Интернета, и с неохотой признают, что понятие «полного участия» является «демократическим воображаемым» или утопией³. Отечественные исследователи продолжают видеть в Интернете «естественную альтернативу» контролируемому государством публичному пространству. Признавая тот неоспоримый факт, что в настоящее время виртуальные политические форумы представляют собой крайне удаленную точку от политического истеблишмента⁴ и не оказывают реального влияния на принятие

¹ *Hauben M.* Behind the Net: The Untold History of the ARPANET // <http://www2.dei.isep.ipp.pt/docs/arpa--2.html>

² *Frau-Megs D.* Civil Society's Involvement in the WSIS Process: Drafting the Alter-Agenda // *Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society.* Bristol, 2006. P. 91.

³ *Cammaerts B., Carpentier N.* The Unbearable Lightness of Full Participation in the Global Context: WSIS and Civil Society Participation // *Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society.* Bristol, 2006. P. 23.

⁴ *Коваленко П.И., Кудряшова Ю.А.* Политические интернет-форумы как форма альтернативной публичной сферы в современной России // Труды VIII Всерос-

решений, они тем не менее убеждены, что политический сегмент Рунета представляет собой главную и едва ли единственную площадку для свободной политической дискуссии, и реальную альтернативу господствующему «не-общественному» мнению, являющемуся следствием применения СМИ манипулятивных коммуникативных технологий.

При этом вполне сознается, что существует и образовательный, и имущественный ценз, ограничивающий доступ к Интернету. В российских условиях он дополняется возрастным цензом. В результате типичный пользователь Рунета по своим социально-демографическим характеристикам является не менее типичным представителем «среднего класса», из которого традиционно рекрутировалась «публичная сфера». То, что «просвещенная публика» в российских условиях называется «политической тусовкой», не отменяет самого факта существования «околополитического класса», активно дискутирующего по самым острым общественным проблемам. Неоднократно фиксировавшееся расхождение проблем, обсуждаемых на политических сайтах, форумах и блогах, и тех проблем, которые, по данным опросов общественного мнения, больше всего волнуют население, также как будто свидетельствует о том, что в пространстве Рунета сформировалась сфера рационального критического дискурса, имеющая мало общего с созданным посредством манипулятивных технологий массовым «не-общественным мнением» (еще один термин Ю. Хабермаса).

Однако сведение политического сегмента Рунета почти исключительно к дискуссиям, идущим на блогах «LiveJournal», сильно искажает реальную картину. Традиционная журналистика не просто присутствует в Рунете в виде Интернет-версий традиционных СМИ и новостных лент информационных агентств. Именно она задает те стандарты, на которые ориентируются авторы «маленьких незарегистрированных персональных средств массовой информации в формате личной веб-страницы, имеющей структуру дневника»¹. И даже когда имеет место радикально нарочитое искажение словарной базы современного русского языка и нарушение самых либеральных норм микрогруппового речевого поведения (феномен «падонков») перед нами оказывается не просто альтернативный дискурс, но дискурс, выполняющий вполне определенные властные функции: «этот тип высказывания позволяет поддерживать классовую дистанцию между носителями языка, владеющими языковой нормой и до известной степени даже способными развивать эти навыки благодаря эрративам, и тем рядовым, как назвал его создатель сайта udaff.com,

сийской объединенной конференции «Технологии информационного общества – Интернет и современное общество». СПб., 8-11 ноября 2005 г. СПб., 2005. С. 76.

¹ Костинский А. «Живой журнал» Интернета: Радио Свобода // <http://www.svoboda.org/programs/sc/2004/sc.051704.asp> (17.05.2004).

«офисным планктоном», который приветствует в данном речевом потоке его голый контр-культурный пафос»¹.

Чрезвычайно важно, что дискурсивные практики, используемые пользователями Интернета, поражают не только «эrrатизмом» (Г.Ч. Гусейнов), но и традиционализмом. Используя новейшее средство коммуникации, участники дискуссий транслируют традиционные отечественные западный и почвеннический дискурсы. Так, в «почвеннических» блогах «Живого журнала» в полной мере присутствует весь набор характеристик народнического, причем не только в плане содержания, но и в плане выражения контрдискурса (из-за бездеятельности или вредительской деятельности властей в России царит «разруха», «голодуха», «страна вымирает» и т.п. и одновременно стоит на грани революции). Причем это отнюдь не исключает использования эrrативов: Г.Ч. Гусейнов в цитированном выше докладе упоминает о цикле сочинений «Русскія строки», в которых эrrативы Юдика Шермана составляют часть грандиозного сквернословного поля, образующего изнанку памфлетов К. Крылова, создаваемых на языке, близком по стилю толстожурнальной патриотической периодике 1980-х гг.

Даже когда пользователи сознательно ориентируются на создание альтернативы господствующим средствам массовой информации, они порождают все тот же традиционный дискурс. Так, попытка создать независимую альтернативную версию «пожара во Владивостоке»² и рассказать «правду, о которой не говорят» (девиз сайта <http://vlfire.ruwow.ru>, на котором размещалась альтернативная информация), привела к воспроизводству традиционной отечественной оппозиции «мы – простой народ» – «они – начальство», так что «собранными на сайте оказались в основном фольклорные пересказы о том, что «пожарные спасали начальство», а не простых людей»³.

Иными словами, альтернативный дискурс Интернета альтернативен не потому, что он существует в виртуальном пространстве, а потому, что он воспроизводит типичную для русской интеллигенции традицию противостояния русскому государству как системному явлению (которая может существовать как в форме западниче-

¹ Гусейнов Г.Ч. Берлога веблога. Введение в эrrатическую семантику: Доклад прочитан 17 марта 2005 г. в Париже // http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm

² 16 января 2006 г. во Владивостоке загорелись три верхних этажа здания «ПромстройНИИпроект», принадлежавшие Отделению Сберегательного Банка 8635 Дальневосточного Банка Сбербанка России. Из-за грубого нарушения правил техники безопасности пожар сопровождался человеческими жертвами. По официальной версии погибло 9 человек, по версии сайта «Пожар во Владивостоке» – не менее 70.

³ Протасов П. П@утина, выпуск 55 // «Русский журнал», 23 января 2006 г. // http://www.russ.ru/columns/net/108552674?user_session=025cfac6a8ebe15a10741922f19ea125

ской оппозиционности, так и в форме почвеннической оппозиционности западной оппозиционности¹).

Таким образом, в отечественных условиях политические сегмент Рунета приобретает вполне традиционные черты, связанные с отсутствием в российской традиции жесткого деления на частную и публичную сферы². Это касается и дискурсивных практик, и самого поведения участников дискуссии в «частно-публичном» пространстве Рунета, которое далеко не случайно регулярно сравнивается со склоками в коммунальной квартире.

Итак, становится очевидным, что Рунет имеет выраженную социокультурную специфику, неизбежно возникающую, когда институт, созданный в одной культурной среде, переносят в совсем другую среду. Точнее, можно говорить о специфической роли и месте Рунета в условиях российской догоняющей модернизации. Однако при этом не следует забывать, что догоняющая модернизация не означает простого копирования процессов, уже пройденных более передовыми странами, а предполагает оригинальные решения собственных социальных и политических проблем.

¹ Успенский Б. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. М., 2002.

² См.: Oswald L., Voronkov V. The «public-private» sphere in Soviet and post-Soviet Society // European Societies, 2004. V. 6. № 1.